

СТРАШНЫЕ
РУССКИЕ
СКАЗКИ

Русские сказки

Страшные русские сказки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74375721

Страшные русские сказки. Из сборников А. Н. Афанасьева: Эксмо;

Москва; 2026

ISBN 978-5-04-252368-7

Аннотация

Коллекция страшных русских сказок Александра Николаевича Афанасьева – это собрание народных мистических повествований с такими традиционными архетипами, как Василиса, Финист, Баба Яга, Иван-царевич, ведьмы, знахари, и другими персонажами фольклора. Иллюстрации Ирины Петелиной из собрания «Другие сказки» усиливают загадочную атмосферу книги. Каждая глава начинается с краткого описания ключевых архетипов, что помогает читателю глубже понять древние представления о страхе, загробном мире и сверхъестественном, открывая опыт, тайны и бесценную народную мудрость.

Содержание

Предисловие	5
Василисы	8
Василиса Прекрасная	13
Морской царь И Василиса Премудрая[3]	27
Баба-яга и другая женская нечисть	39
Баба-яга[6]	42
Баба-яга[8]	46
Баба-яга и Заморышек	51
Баба-яга и жихарь[11]	57
Ивашко и ведьма[19]	62
Лутонька	69
Три царства – медное, серебряное и золотое[25]	73
Ведьма и солнцева сестра	80
Крошечки-хаврошечки и другие молодницы	86
Крошечка-хаврошечка[30]	89
Двенадцать девушек	94
Морозко[31]	102
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Страшные русские сказки

Из сборников А. Н. Афанасьева

*** * ***

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Предисловие

Страшные русские сказки на Руси создавали в первую очередь как форму обучения и воспитания, а не для развлечения детей.

Они отражали суровые реалии жизни, включая смерть и опасности окружающего мира, и служили инструментом подготовки молодых людей к взрослой жизни через символическое прохождение испытаний и инициацию.

Такие сказки часто были насыщены жестокими образами

и сюжетом, связанным с древними обрядами посвящения, в ходе которых подростков испытывали физически и психологически, символизируя смерть старой и рождение новой личности.

Это помогало передать жизненные уроки и нормы поведения, а также подготовить к суровым условиям существования в деревенской среде, где смерть была естественной и постоянной частью жизни.

На Руси создавались именно страшные сказки для передачи морали, потому что они эффективно помогали людям понять и принять двойственность мира – существование добра и зла, жизни и смерти.

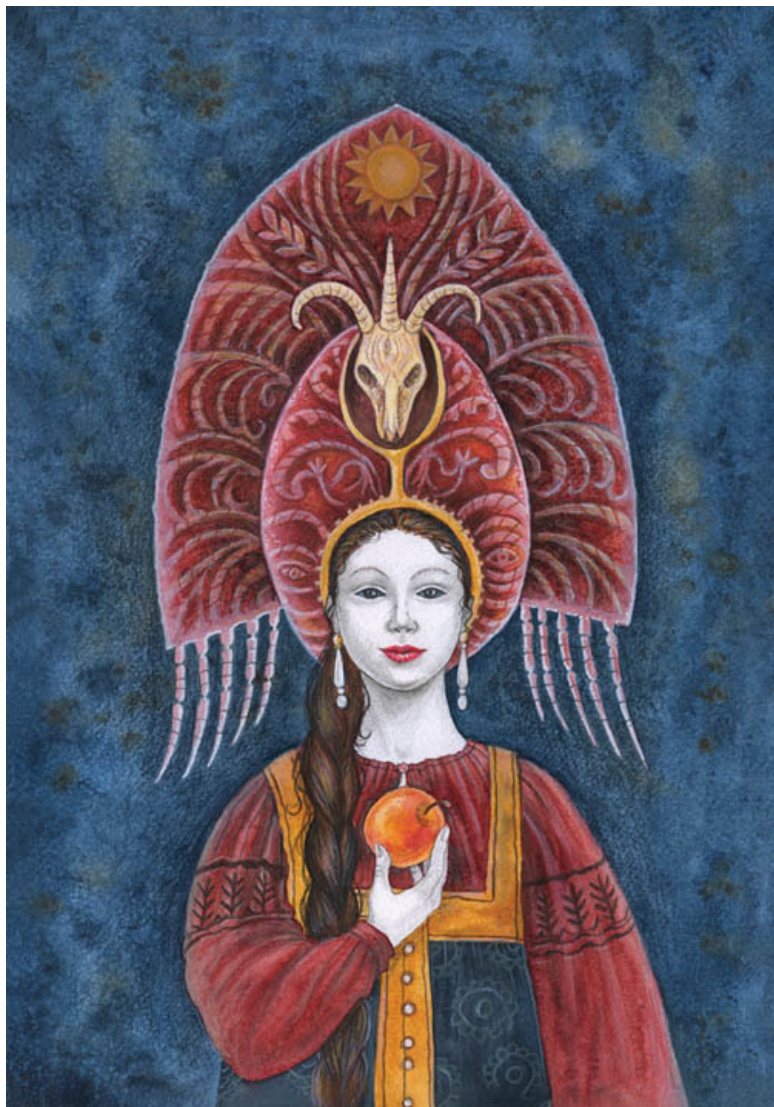
Страшные сказки снижали тревожность, помогали справляться с внутренними страхами и показывали, что зло существует и его нельзя игнорировать, что важно для подготовки к реальной жизни.

Они служили инструментом воспитания, учили детей и взрослых, что в мире не всё просто и что человек не всемогущ, что порой нужно смириться с опасностями и жестокими аспектами мира, чтобы лучше понять нормы поведения и выработать правильное отношение к жизни и смерти.

Такие сказки позволяли пережить через символы и образы важные жизненные уроки и кризисы, включая осознание смертности и социальные правила, укрепляя моральные нормы через примеры наказаний за проступки и поощрения за добродетели.

Василисы

Василиса (Премудрая или Прекрасная) – ключевая героиня русских волшебных сказок. Этот архетип олицетворяет женскую мудрость, интуицию, внутреннюю силу и способность преодолевать трудности.

КЛЮЧЕВЫЕ ЧЕРТЫ ВАСИЛИСЫ:

Верность, заботливость и решительность.

Мудрость и способность к превращениям.

Женская сила, не внешняя, а внутренняя.

Интуиция – глубинное женское знание и умение находить выход из любой ситуации.

Передача женской мудрости и интуиции от матери к дочери, сохранение этой силы в женской психике из поколения в поколение.

Василиса Прекрасная

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала:

– Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги её всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе,

дай ей поесть и спроси у неё совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в летах, имела своих двух дочерей, почти одноленок Василисе, – стало быть, и хозяйка, и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашёл в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на всё село красавица; мачеха и сёстры завидовали её красоте, мучили её всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса всё переносила безропотно и с каждым днём всё хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худели и дурнели от злости, несмотря на то, что они всегда сидели сложа руки как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала её куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрётся в чуланчике, где жила, и потчевает её, приговаривая:

– Нá, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в

доме у бабушки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?

Куколка покушает, да потом и даёт ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвёт цветочки, а у неё уж и грибы выдолбиты, и капуста полита, и вода налита, и печь вытоплена. Куколка ещё укажет Василисе и травку от загара. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присваиваются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает:

– Не выдам меньшей прежде старших! – а проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житьё в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила Баба-яга: никого она к себе не подпускала и ела людей как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта всегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке Бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трём девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всём доме, оставила одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке, одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку.

– Что теперь нам делать? – говорили девушки. – Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнём к Бабе-яге!

– Мне от булавок светло! – сказала та, что плела кружево. – Я не пойду.

– И я не пойду, – сказала та, что вязала чулок. – Мне от спиц светло!

– Тебе за огнём идти, – закричали обе. – Ступай к Бабе-яге! – и вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

– Нá, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнём к Бабе-яге; Баба-яга съест меня!

Куколка поела, и глаза её заблестели как две свечки.

– Не бойся, Василисушка! – сказала она. – Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ни-

чего не станется с тобой у Бабы-яги.

Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идёт она и дрожит. Вдруг скачет мимо её всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый и сбруя на коне белая, – на дворе стало рассветать.

Идёт она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, – стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка Яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо вереё у ворот – ноги человечесьи, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам чёрный, одет во всём чёрном и на чёрном коне; подскочил к воротам Бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, – настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Скоро слышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу Баба-яга – в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к

воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала:
– Фу-фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала:

– Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнём к тебе.

– Хорошо, – сказала Яга-баба, – знаю я их, поживи ты наперёд да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!

Потом обратилась к воротам и вскрикнула:

– Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!

Ворота отворились, и Баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять всё заперлось. Войдя в горницу, Баба-яга растянулась и говорит Василисе:

– Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу.

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать Яге кушанье, а кушанья настрепано было человек на десять; из погребца принесла она квасу, мёду, пива и вина. Всё съела, всё выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала Яга-баба спать ложиться и говорит:

– Когда завтра я уеду, ты смотри – двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, бельё приготовь да пойди в заком,

возьми четверть пшеницы и очисти её от чернушки¹. Да чтоб всё было сделано, а не то – съем тебя!

После такого наказания Баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и говорила:

– На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжёлую дала мне Яга-баба работу и грозитя съесть меня, коли всего не исполню; помоги мне!

Кукла ответила:

– Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися; утро мудреней вечера!

Ранёшенько проснулась Василиса, а Баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник – и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула – перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник – взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом Бабы-яги, подивилась изобилию во всём и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зёрна чернушки.

– Ах, ты, избавительница моя! – сказала Василиса куколке. – Ты от беды меня спасла.

– Тебе осталось только обед состряпать, – отвечала кукол-

¹ Чернушка – травянистое растение.

ка, влезая в карман Василисы. – Состряпай с Богом, да и отдохай на здоровье!

К вечеру Василиса собрала на стол и ждёт Бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами чёрный всадник – и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья – едет Баба-яга. Василиса встретила её.

– Всё ли сделано? – спрашивает Яга.

– Изволь посмотреть сама, бабушка! – молвила Василиса.

Баба-яга всё осмотрела, подосадовала, что не за что рассердиться, и сказала:

– Ну хорошо!

Потом крикнула:

– Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе:

– Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зёрнышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

– Молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренее, всё

будет сделано, Василисушка!

Наутро Баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела всё и крикнула:

– Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло!

Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча.

– Что ж ты ничего не говоришь со мною? – сказала Баба-яга. – Стоишь как немая.

– Не смела, – отвечала Василиса, – а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чём.

– Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведёт: много будешь знать, скоро состареешься!

– Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?

– Это день мой ясный, – отвечала Баба-яга.

– Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?

– Это моё солнышко красное! – отвечала Баба-яга.

– А что значит чёрный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

– Это ночь моя тёмная – всё мои слуги верные!

Василиса вспомнила о трёх парах рук и молчала.

– Что ж ты ещё не спрашиваешь? – молвила Баба-яга.

– Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь – состареешься.

– Хорошо, – сказала Баба-яга, – что ты спрашиваешь только о том, что видала за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

– Мне помогает благословение моей матери, – отвечала Василиса.

– Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных.

Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала:

– Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали.

Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и наконец к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп.

– Верно, дома, – думает себе, – уж больше в огне не нуждаются.

Но вдруг послышался глухой голос из черепа:

– Не бросай меня, неси к мачехе!

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили её ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей – тот погасал, как только входили с ним в горницу.

– Авось твой огонь будет держаться! – сказала мачеха.

Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и её дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся – глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

Путру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житьё к одной безродной старушке; живёт себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке:

– Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду.

Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у неё, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много; пора бы и за тканьё приниматься, да таких бёрд² не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берётся и сделать-то. Василиса

² Бёрдо – приспособление для ручного ткачества.

стала просить свою куколку, та и говорит:

– Принеси-ка мне какое-нибудь старое бёрдо, да старый челнок, да лошадиной гривы; я всё тебе смастерю.

Василиса добыла всё что надо и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

– Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

– Нет, дитяtko! Такого полотна, кроме царя, носить никому; понесу во дворец.

Пошла старуха к царским палатам да всё мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил:

– Что тебе, старушка, надобно?

– Ваше царское величество, – отвечает старуха, – я принесла диковинный товар; никому, кроме тебя, показать не хочу.

Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно – вздивовался.

– Что хочешь за него? – спросил царь.

– Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла.

Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; вскрыли, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал:

– Умела ты напрять и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить.

– Не я, государь, пряла и соткала полотно, – сказала старуха, – это работа приёмыша моего – девушки.

– Ну так пусть и сошьёт она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всём Василисе.

– Я знала, – говорит ей Василиса, – что эта работа моих рук не минует.

Заперлась в свою горницу, принялась за работу; шила она не покладывая рук, и скоро дюжина сорочек были готовы.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждёт, что будет. Видит: на двор к старухе идёт царский слуга; вошёл в горницу и говорит:

– Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить её из своих царских рук.

Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в неё без памяти.

– Нет, – говорит он, – красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою.

Тут взял царь Василису за белые руки, посадил её подле себя, а там и свадьбу сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об её судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

Морской царь И Василиса Премудрая³

Жил-был царь с царицею. Любил он ходить на охоту и стрелять дичь. Вот один раз пошёл царь на охоту и увидел: сидит на дубу молодой орёл; только хотел его застрелить, орёл и просит: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, в некое время я тебе пригожусь». Царь подумал-подумал и говорит: «Зачем ты мне нужен!» – и хочет

³ Записано в Воронежской губернии.

опять стрелять. Говорит ему орёл в другой раз: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, в некое время я тебе пригожусь». Царь думал-думал и опять-таки не придумал, на что бы такое пригодился ему орёл, и хочет уж совсем застрелить его. Орёл и в третий раз провещал: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе да прокорми три года; в некое время я пригожусь тебе!»

Царь смиловался, взял орла к себе и кормил его год и два: орёл так много поедал, что всю скотину приел; не стало у царя ни овцы, ни коровы. Говорит ему орёл: «Пусти-ка меня на волю!» Царь выпустил его на волю; попробовал орёл свои крылья – нет, не сможет ещё летать! – и просит: «Ну, царь-государь, кормил ты меня два года; уж как хочешь, а прокорми ещё год; хоть займи, да прокорми: в накладе не будешь!» Царь то и сделал: везде занимал скотину и целый год кормил орла, а после выпустил его на волю вольную. Орёл поднялся высоко-высоко, летал-летал, спустился на землю и говорит: «Ну, царь-государь, садись теперь на меня; полетим вместе». Царь сел на птицу.

Вот и полетели они; ни много, ни мало прошло времени, прилетели на край моря синего. Тут орёл скинул с себя царя, и упал он в море – по колени намок; только орёл не дал ему потонуть, подхватил его на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» – «Испужался, – говорит царь, – думал, что совсем потону!» Опять летели-летели, прилетели к другому морю. Орёл скинул с себя царя

как раз посеред моря – ажно царь по пояс намок. Подхватил его орёл на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» – «Испужался, – говорит он, – да всё думал: авось, Бог даст, ты меня вытащишь». Опять-таки летели-летели и прилетели к третьему морю. Скинул орёл царя в великую глубь – ажно намок он по самую шею. И в третий раз подхватил его орёл на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» – «Испужался, – говорит царь, – да всё думалось: авось ты меня вытащишь». – «Ну, царь-государь, теперь ты изведаль, каков смертный страх! Это тебе за старое, за прошлое: помнишь ли, как сидел я на дубу, а ты хотел меня застрелить; три раза примался стрелять, а я всё просил тебя да на мысли держал: авось не загубишь, авось смилуешься – к себе возьмёшь!»

После полетели они за тридевять земель; долго-долго летели. Сказывает орёл: «Посмотри-ка, царь-государь, что над нами и что под нами?» Посмотрел царь. «Над нами, – говорит, – небо, под нами земля». – «Посмотри-ка ещё, что по правую сторону и что по левую?» – «По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит». – «Полетим туда, – сказал орёл, – там живёт моя меньшая сестра». Опустились прямо на двор; сестра выступила навстречу, примаёт своего брата, сажает его за дубовый стол, а на царя и смотреть не хочет; оставила его на дворе, спустила борзых собак и давай травить. Крепко осерчал орёл, выскочил из-за стола, подхватил царя и полетел с ним дальше.

Вот летели они, летели; говорит орёл царю: «Погляди, что позади нас?» Обернулся царь, посмотрел: «Позади нас дом красный». А орёл ему: «То горит дом меньшей моей сестры – зачем тебя не примала да борзыми собаками травила». Летели-летели, орёл опять спрашивает: – «Посмотри, царь-государь, что над нами и что под нами?» – «Над нами небо, под нами земля». – «Посмотри-ка, что будет по правую сторону и что по левую?» – «По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит». – «Там живёт моя средняя сестра; полетим к ней в гости». Опустились на широкий двор; средняя сестра принимает своего брата, сажает его за дубовый стол, а царь на дворе остался; выпустила она борзых собак и притравила его. Орёл осерчал, выскочил из-за стола, подхватил царя и улетел с ним ещё дальше.

Летели они, летели; говорит орёл: «Царь-государь! Посмотри, что позади нас?» Царь обернулся: «Стоит позади красный дом». – «То горит дом моей средней сестры! – сказал орёл. – Теперь полетим туда, где живут моя мать и старшая сестра». Вот прилетели туда; мать и старшая сестра куда как им обрадовались и примали царя с честью, с ласкою. «Ну, царь-государь, – сказал орёл, – отдохни у нас, а после дам тебе корабль, расплачусь с тобой за всё, что поел у тебя, и ступай с Богом домой». Дал он царю корабль и два сундучка: один – красный, другой – зелёный, и сказывает: «Смотри же, не отпирай сундучков, пока домой не приедешь; красный сундучок отопри на заднем дворе, а зелёный сундучок

на переднем дворе».

Взял царь сундучки, распростился с орлом и поехал по синему морю; доехал до какого-то острова, там его корабль остановился. Вышел он на берег, вспомнил про сундучки, стал придумывать, что бы такое в них было и зачем орёл не велел открывать их; думал-думал, не утерпел – больно⁴ узнать ему захотелось: взял он красный сундучок, поставил наземь и открыл, а оттудова столько разного скота вышло, что глазом не окинешь, – едва на острове поместились.

Как увидел это царь, взгоревался, зачал плакать и приговаривать: «Что же мне теперь делать? Как опять соберу всё стадо в такой маленький сундучок?» И видит он – вышел из воды человек, подходит к нему и спрашивает: «Чего ты, царь-государь, так горько плачешь?» – «Как же мне не плакать! – отвечает царь. – Как мне будет собрать всё это стадо великое в такой маленький сундучок?» – «Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебе всё стадо, только с уговором: отдай мне – чего дома не знаешь». Задумался царь: «Чего бы это я дома не знал? Кажись, всё знаю». Подумал и согласился. «Собери, – говорит, – отдам тебе – чего дома не знаю». Вот тот человек собрал ему в сундучок всю скотину; царь сел на корабль и поплыл восвояси.

Как приехал домой, тут только узнал, что родился у него сын-царевич; стал он его целовать, миловать, а сам так слезами и разливается. «Царь-государь, – спрашивает царица, –

⁴ Очень, сильно.

скажи, о чём горьки слёзы ронишь?» – «С радости», – говорит; побоялся-то сказать ей правду, что надо отдавать царевича. Вышел он после на задний двор, открыл красный сундучок – и полезли оттуда быки да коровы, овцы да бараны, много-много набралось всякого скота, все сараи и варки⁵ стали полны. Вышел на передний двор, открыл зелёный сундучок – и появился перед ним большой да славный сад: каких-каких деревьев тут не было! Царь так обрадовался, что и забыл отдавать сына.

Прошло много лет. Раз как-то захотелось царю погулять, подошёл он к реке; на ту пору показался из воды прежний человек и говорит: «Скоро же ты, царь-государь, забывчив стал! Вспомни, ведь ты должен мне!» Воротился царь домой с тоскою-кручиною и рассказал царице и царевичу всю правду истинную. Погоревали, поплакали все вместе и решили, что делать-то нечего, надо отдавать царевича; отвезли его на взморье и оставили одного.

Огляделся царевич кругом, увидел тропинку и пошёл по ней: авось куда Бог приведёт. Шёл-шёл и очутился в дремучем лесу; стоит в лесу избушка, в избушке живёт Баба-яга. «Дай зайду», – подумал царевич и вошёл в избушку. «Здравствуй, царевич! – молвила Баба-яга. – Дело пытаешь или от дела лытаешь?» – «Эх, бабушка! Напой, накорми, да потом расспроси». Она его напоила-накормила, и царевич рассказал про всё без утайки, куда и зачем идёт. Говорит ему Ба-

⁵ Загороженные места, куда загоняют скот.

ба-яга: «Иди, дитяtko, нá море; прилетят туда двенадцать колпиц, обернутся красными девицами и станут купаться; ты подкрадъся потихоньку и захвати у старшей девицы сорочку. Как поладишь с нею, ступай к морскому царю, и попадутся тебе навстречу Обьедало да Опивало, попадётся ещё Мороз-Трескун – всех возьми с собою; они тебе к добру пригодятся». Простился царевич с ягою, пошёл на сказанное место нá море и спрятался за кусты. Тут прилетели двенадцать колпиц, ударились о сырую землю, обернулись красными девицами и стали купаться. Царевич украл у старшей сорочку, сидит за кустом – не ворохнется. Девицы выкупались и вышли на берег, одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетели домой; оставалась одна старшая, Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца. «Отдай, – говорит, – мою сорочку; придёшь к батюшке, водяному царю, – в то времечко я тебе сама пригожусь». Царевич отдал ей сорочку, она сейчас обернулась колпицею и улетела вслед за подружками. Пустился царевич дальше; повстречались ему на пути три богатыря: Обьедало, Опивало да Мороз-Трескун; взял их с собою и пришёл к водяному царю.

Увидал его водяной царь и говорит: «Здорово, дружок! Что так долго ко мне не бывал? Я устал, тебя дожидаячи. Прймайся-ка теперь за работу; вот тебе первая задача: построй за одну ночь большой хрустальный мост, чтоб к утру готов был! Не построишь – голова долой!» Идёт царевич

от водяного, сам слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко в своем терему и спрашивает: «О чём, царевич, слёзы ронишь?» – «Ах, Василиса Премудрая! Как же мне не плакать? Приказал твой батюшка за единую ночь построить хрустальный мост, а я топора не умею в руки взять». – «Ничего! Ложись-ка спать; утро вечера мудренее».

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистом; со всех сторон сбежались плотники-работники: кто место ровняет, кто кирпичи таскает; скоро поставили хрустальный мост, вывели на нём узоры хитрые и разошлись по домам. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: «Вставай, царевич! Мост готов, сейчас батюшка смотреть придёт». Встал царевич, взял метлу; стоит себе на мосту – где подметёт, где почистит. Похвалил его водяной царь. «Спасибо, – говорит, – сослужил мне единую службу, сослужи и другую; вот тебе задача: насади к завтраму зелёный сад – большой да ветвистый, в саду бы птицы певчие распевали, на деревьях бы цветы расцветали, груши-яблоки спелые висели». Идёт царевич от водяного, сам слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко и спрашивает: «О чём плачешь, царевич?» – «Как же мне не плакать? Велел твой батюшка за единую ночь сад насадить». – «Ничего! Ложись спать; утро вечера мудренее».

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистом; со всех сторон сбежались садовники-огородники и насадили зелёный сад, в са-

ду птицы певчие распевают, на деревьях цветы расцветают, груши-яблоки спелые висят. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: «Вставай, царевич! Сад готов, батюшка смотреть идёт». Царевич сейчас за метлу да в сад: где дорожку подметёт, где веточку поправит. Похвалил его водяной царь: «Спасибо, царевич! Сослужил ты мне службу верой-правдою; выбирай себе за то невесту из двенадцати моих дочерей. Все они лицо в лицо, волос в волос, платье в платье; угадаешь до трёх раз одну и ту же – будет она твоею женою, не угадаешь – велю тебя казнить». Узнала про то Василиса Премудрая, улучила время и говорит царевичу: «В первый раз я платком махну, в другой платье поправлю, в третий над моей головой станет муха летать». Так-то и угадал царевич Василису Премудрую до трёх раз. Повенчали их и стали пировать.

Водяной царь наготовил много всякого кушанья – сотне человек не съесть! И велит зятю, чтоб всё было поедено; коли что останется – худо будет. – «Батюшка! – просит царевич. – Есть у нас старичок, дозвожь и ему закусить с нами». – «Пускай придёт!» Сейчас явился Обьедало; всё приел – ещё мало стало. Водяной царь наставил всякого питья сорок бочек и велит зятю, чтоб дочиста было выпито. «Батюшка! – просит опять царевич. – Есть у нас другой старичок, дозвожь и ему выпить про твое здоровье». – «Пускай придёт!» Явился Опивало, зараз опростал все сорок бочек – ещё опохмелиться просит.

Видит водяной царь, что ничто не берёт, приказал истопить для молодых баню чугунную жарко-нажарко; истопили баню чугунную, двадцать сажён дров сожгли, докрасна печь и стены раскалили – за пять вёрст подойти нельзя. «Батюшка, – говорит царевич, – дозвожь наперед нашему старичку попариться, баню опробовать». – «Пускай попарится!» Пришёл в баню Мороз-Трескун: в один угол дунул, в другой дунул – уж сосульки висят. Вслед за ним и молодые в баню сходили, помылись-попарились и домой воротились. «Уйдём от батюшки водяного царя, – говорит царевичу Василиса Премудрая, – он на тебя больно сердит, не причинил бы зла какого!» – «Уйдём», – говорит царевич. Сейчас оседлали коней и поскакали в чистое поле.

Ехали-ехали; много прошло времени. «Слезь-ка, царевич, с коня да припади ухом к сырой земле, – сказала Василиса Премудрая, – не слыхать ли за нами погони?» Царевич припал ухом к сырой земле: ничего не слышно! Василиса Премудрая сошла сама с доброго коня, прилегла к сырой земле и говорит: «Ах, царевич! Слышу сильную за нами погоню». Оборотила она коней колодезем, себя – ковшиком, а царевича – старым старичком. Наехала погоня: «Эй, старик! Не видал ли добра молодца с красной девицей?» – «Видал, родимые! Только давно: они ещё в те поры проехали, как я молод был». Погоня воротилась к водяному царю. «Нет, – говорит, – ни следов, ни вести, только и видели, что старика возле колодезя, по воде ковшик плавает». – «Что ж вы их не

брали?» – закричал водяной царь и тут же предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисой Премудрой послал другую смену. А тем временем они далеко-далёко уехали.

Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; оборотила царевича старым попом, а сама сделалась ветхой церковью: еле стены держатся, кругом мохом обросли. Наехала погоня: «Эй, старичок! Не видал ли добра молодца с красной девицей?» – «Видел, родимые! Только давным-давно; они ещё в те поры проехали, как я молод был, эту церковь строил». И вторая погоня воротилась к водяному царю: «Нет, ваше царское величество, ни следов, ни вести; только и видели, что старца-попа да церковь ветхую». – «Что ж вы их не брали?» – закричал пуще прежнего водяной царь; предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисою Премудрою сам поскакал. На этот раз Василиса Премудрая оборотила коней рекою медовою, берегами кисельными, царевича – селезнем, себя – серой утицею. Водяной царь бросился на кисель и сыту, ел-ел, пил-пил – до того, что лопнул! Тут и дух испустил.

Царевич с Василисою Премудрою поехали дальше; стали они подъезжать домой, к отцу, к матери царевича. Василиса Премудрая и говорит: «Ступай, царевич, вперёд, доложишься отцу с матерью, а я тебя здесь на дороге обожду; только помни моё слово: со всеми целуйся, не целуй сестрицы; не то меня позабудешь». Приехал царевич домой, стал со всеми здороваться, поцеловал и сестрицу, и только поцеловал – как в ту ж минуту забыл про свою жену, словно и в мыслях

не была.

Три дня ждала его Василиса Премудрая; на четвёртый нарядилась нищенкой, пошла в стольный город и пристала у одной старушки. А царевич собрался жениться на богатой королевне, и велено было кликнуть клич по всему царству, чтоб сколько ни есть народу православного – все бы шли поздравлять жениха с невестой и несли в дар по пирогу пшеничному. Вот и старуха, у которой пристала Василиса Премудрая, принялась муку сеять да пирог готовить. «Для кого, бабушка, пирог готовишь?» – спрашивает её Василиса Премудрая. «Как для кого? Разве ты не знаешь: наш царь сына женит на богатой королевне; надо во дворец идти, молодым на стол подавать». – «Дай и я испеку да во дворец снесу; может, меня царь чем пожалует». – «Пеки с Богом!» Василиса Премудрая взяла муки, замесила тесто, положила творогу да голубя с голубкою и сделала пирог.

К самому обеду пошла старуха с Василисою Премудрою во дворец; а там пир идёт на весь мир. Подали на стол пирог Василисы Премудрой, и только разрезали его пополам, как вылетели оттудова голубь и голубка. Голубка ухватила кусок творогу, а голубь говорит: «Голубушка, дай и мне творожку!» – «Не дам, – отвечает голубка, – а то ты меня позабудешь, как позабыл царевич свою Василису Премудрую». Тут вспомнил царевич про свою жену, выскочил из-за стола, брал её за белые руки и сажал возле себя рядышком. С тех пор стали они жить вместе во всяком добре и в счастье.

Баба-яга и другая женская нечисть

Баба-яга в русских сказках – это древний славянский мифологический персонаж, обычно изображаемый как уродливая старуха-ведьма с магической силой.

АРХЕТИП БАБЫ-ЯГИ:

Бывает как злым персонажем, грозящим героям смертью, так и помощницей, которая помогает пройти испытания или даёт волшебные предметы и знания.

Образ Бабы-яги связан с древними обрядами инициации, когда подростки символически «умирали» для старой жизни и рождались как взрослые.

Двойственная природа – одновременно страшна и опасна, но и мудра, помогая героям перейти из нашего мира в иной.

В фольклоре воплощает матриархальные представления и выступает как хранительница традиций, домашнего очага.

Баба-яга – связующая с потусторонним миром.

Баба-яга⁶

Жили-были муж с женой и прижили дочку; жена-то и помри. Мужик женился на другой, и от этой прижил дочь. Вот жена и невзлюбила падчерицу; нет житья сироте. Думал, думал наш мужик и повёз свою дочь в лес. Едет лесом – глядит: стоит избушка на курьих ножках. Вот и говорит мужик:

– Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а ко мне передом.

⁶ Записано в Переславль-Залесском уезде Н. Бодровым.

Избушка и поворотилась.

Идёт мужик в избушку, а в ней Баба-яга: впереди голова, в одном углу нога, в другом – другая.

– Русским духом пахнет! – говорит Яга.

Мужик кланяется:

– Баба-яга Костяная Нога! Я тебе дочку привёз в услуженье.

– Ну хорошо! Служи, служи мне, – говорит Яга девушке, – я тебя за это награжу.

Отец простился и поехал домой. А Баба-яга задала девушке пряжи с короб, печку истопить, всего припаси, а сама ушла. Вот девушка хлопочет у печи, а сама горько плачет. Выбежали мышки и говорят ей:

– Девица, девица, что ты плачешь? Дай кашки; мы тебе добренько скажем.

Она дала им кашки.

– А вот, – говорят, – ты на всякое веретёнце по ниточке наряди.

Пришла Баба-яга:

– Ну что, – говорит, – всё ли ты припасла?

А у девушки всё готово.

– Ну теперь поди – вымой меня в бане.

Похвалила Яга девушку и надавала ей разной сряды⁷.

⁷ Сряда – нарядное платье.

Опять Яга ушла и ещё труднее задала задачу. Девушка опять плачет. Выбегают мышки:

– Что ты, – говорят, – девица красная, плачешь? Дай кашки; мы тебе добренько скажем.

Она дала им кашки, а они опять научили её, что и как сделать. Баба-яга опять, пришедши, её похвалила и ещё больше дала сряды... А мачеха посылает мужа проведать, жива ли его дочь?

Поехал мужик; приезжает и видит, что дочь богатая-пре-богатая стала. Яги не было дома, он и взял её с собой. Подъезжают они к своей деревне, а дома собачка так и рвётся:

– Хам, хам, хам! Барыню везут, барыню везут!

Мачеха выбежала да скалкой собачку.

– Врёшь, – говорит, – скажи: в коробе косточки гремят!

А собачка всё своё. Приехали. Мачеха так и гонит мужа – и её дочь туда же отвезти. Отвёз мужик.

Вот Баба-яга задала ей работы, а сама ушла. Девка так и рвётся с досады и плачет. Выбегают мыши.

– Девица, девица! О чём ты, – говорят, – плачешь?

А она не дала им выговорить, то тоё скалкой, то другую; с ними и провозилась, а дела-то не приделала. Яга пришла, рассердилась. В другой раз опять то же; Яга изломала её, да косточки в короб и склала. Вот мать посылает мужа за дочерью. Приехал отец и повёз одни косточки. Подъезжает к

деревне, а собачка опять лает на крылечке:

– Хам, хам, хам! В коробе косточки везут!

Мачеха бежит со скалкой:

– Врёшь, – говорит, – скажи: барыню везут!

А собачка всё своё:

– Хам, хам, хам! В коробе косточки гремят!

Приехал муж; тут-то жена взвыла! Вот тебе сказка, а мне
кринка масла.

Баба-яга⁸

Жили себе дед да баба; дед овдовел и женился на другой жене, а от первой жены осталась у него девочка. Злая мачеха её не любила, била её и думала, как бы вовсе извести. Раз отец уехал куда-то, мачеха и говорит девочке:

– Поди к своей тётке, моей сестре, попроси у неё иголочку и ниточку – тебе рубашку сшить.

А тетка эта была Баба-яга Костяная Нога.

⁸ По мотивам сказаний Воронежской губернии.

Вот девочка не была глупа, да зашла прежде к своей родной тётке.

– Здравствуй, тётушка!

– Здравствуй, родимая! Зачем пришла?

– Матушка послала к своей сестре попросить иголочку и ниточку – мне рубашку сшить.

Та её и научает:

– Там тебя, племянушка, будет берёзка в глаза стегать – ты её ленточкой перевяжи; там тебе ворота будут скрипеть и хлопать – ты подлей им под пяточки маслица; там тебя собаки будут рвать – ты им хлеба брось; там тебе кот будет глаза драть – ты ему ветчины дай.

Пошла девочка; вот идёт, идёт и пришла.

Стоит хатка, а в ней сидит Баба-яга Костяная Нога и ткёт.

– Здравствуй, тётушка!

– Здравствуй, родимая!

– Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку – мне рубашку сшить.

– Хорошо; садись покуда ткать.

Вот девочка села за кросна⁹, а Баба-яга вышла и говорит своей работнице:

– Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри, хорошенько; я хочу ею позавтракать.

⁹ Крбсна – стан для тканья.

Девочка сидит ни жива ни мертва, вся перепуганная, и просит она работницу:

– Родимая моя! Ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, решетом воду носи, – и дала ей платочек.

Баба-яга дожидается; подошла она к окну и спрашивает:

– Ткёшь ли, племянушка, ткёшь ли, милая?

– Тку, тётушка, тку, милая!

Баба-яга и отошла, а девочка дала коту ветчинки и спрашивает:

– Нельзя ли как-нибудь уйти отсюда?

– Вот тебе гребешок и полотенце, – говорит кот, – возьми их и убеги; за тобою будет гнаться Баба-яга, ты приклони ухо к земле и как заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце – сделается широкая-широкая река; если ж Баба-яга перейдёт через реку и станет догонять тебя, ты опять приклони ухо к земле и как услышишь, что она близко, брось гребешок – сделается дремучий-дремучий лес; сквозь него она уже не проберётся!

Девочка взяла полотенце и гребешок и побежала; собаки хотели её рвать – она бросила им хлебца, и они её пропустили; ворота хотели захлопнуться – она подлила им под пяточки маслица, и они её пропустили; берёзка хотела ей глаза выстегать – она её ленточкой перевязала, и та её пропустила. А кот сел за кросна и ткёт: не столько наткал, сколько напутал.

Баба-яга подошла к окну и спрашивает:

– Ткёшь ли, племяннушка, ткёшь ли, милая?

– Тку, тётка, тку, милая! – отвечает грубо кот.

Баба-яга бросилась в хатку, увидела, что девочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачем не выцарапал девочке глаза.

– Я тебе сколько служу, – говорит кот, – ты мне косточки не дала, а она мне ветчинки дала.

Баба-яга накинулась на собак, на ворота, на берёзку и на работницу, давай всех ругать и колотить. Собаки говорят ей:

– Мы тебе сколько служим, ты нам горелой корочки не бросила, а она нам хлебца дала.

Ворота говорят:

– Мы тебе сколько служим, ты нам водицы под пяточки не подлила, а она нам маслица подлила.

Берёзка говорит:

– Я тебе сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, она меня ленточкой перевязала.

Работница говорит:

– Я тебе сколько служу, ты мне тряпочки не подарила, а она мне платочек подарила.

Баба-яга Костяная Нога поскорей села на ступу, толкачом погоняет, помелом след замечает и пустилась в погоню за девочкой. Вот девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба-яга гонится и уж близко, взяла да и бросила полотен-

це: сделалась река такая широкая-широкая! Баба-яга приехала к реке и от злости зубами заскрипела; воротилась домой, взяла своих быков и пригнала к реке; быки выпили всю реку дочи́ста. Баба-яга пустилась опять в погоню. Девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба-яга близко, бросила гребешок: сделался лес такой дремучий да страшный! Баба-яга стала его грызть, но сколь ни старалась – не могла прогрызть и воротилась назад.

А дед уже приехал домой и спрашивает:

– Где же моя дочка?

– Она пошла к тётушке, – говорит мачеха.

Немного погодя и девочка прибежала домой.

– Где ты была? – спрашивает отец.

– Ах, батюшка! – говорит она. – Так и так – меня матушка посылала к тётке попросить иголочку с ниточкой – мне рубашку сшить, а тётка, Баба-яга, меня съесть хотела.

– Как же ты ушла, дочка?

Так и так – рассказывает девочка. Дед как узнал всё это, рассердился на жену и расстрелял её; а сам с дочкою стал жить да поживать да добра наживать, и я там был, мёд-пиво пил: по усам текло, в рот не попало.

Баба-яга и Заморышек

Жил-был старик да старуха; детей у них не было. Уж чего они ни делали, как ни молились Богу, а старуха всё не рожала. Раз пошёл старик в лес за грибами; попадаетея ему дорогою старый дед.

– Я знаю, – говорит, – что у тебя на мыслях; ты всё об детях думаешь. Поди-ка по деревне, собери с каждого двора по яйчку и посади на те яйца клушку¹⁰; что будет, сам увидишь!

¹⁰ Наседку.

Старик воротился в деревню; в ихней деревне был сорок один двор; вот он обошёл все дворы, собрал с каждого по яичку и посадил клушку на сорок одно яйцо. Прошло две недели, смотрит старик, смотрит и старуха, – а из тех яичек народились мальчики; сорок крепких, здоровеньких, а один не удался – хил да слаб! Стал старик давать мальчикам имена; всем дал, а последнему не достало имени.

– Ну, – говорит, – будь же ты Заморышек!

Растут у старика со старухой детки, растут не по дням, а по часам; выросли и стали работать, отцу с матерью помогать; сорок мóлодцев в поле возятся, а Заморышек дома управляется. Пришло время сенокосное; братья траву косили, стога ставили, поработали с неделю и вернулись на деревню; поели, что Бог послал, и легли спать. Старик смотрит и говорит:

– Молодо-зелено! Едят много, спят крепко, а дела, поди, ничего не сделали!

– А ты прежде посмотри, батюшка! – отзывается Заморышек.

Старик снарядился и поехал в луга; глянул – сорок стогов смётано:

– Ай да молодцы ребята! Сколько за одну неделю накосили и в стога сметали.

На другой день старик опять собрался в луга, захотелось на своё добро полюбоваться; приехал – а одного стога как не

бывало! Воротился домой и говорит:

– Ах, детки! Ведь один стог-то пропал.

– Ничего, батюшка! – отвечает Заморышек. – Мы этого вора поймаем; дай-ка мне сто рублёв, а уж я дело сделаю.

Взял у отца сто рублёв и пошёл к кузнецу:

– Можешь ли сковать мне такую цепь, чтоб хватило с ног до головы обвить человека?

– Отчего не сковать!

– Смотри же, делай покрепче; коли цепь выдержит – сто рублёв плачу, а коли лопнет – пропал твой труд!

Кузнец сковал железную цепь; Заморышек обвинил её во-круг себя, потянул – она и лопнула. Кузнец вдвое крепче сделал; ну та годилась. Заморышек взял эту цепь, заплатил сто рублёв и пошёл сено караулить; сел под стог и дожидается.

Вот в самую полночь поднялась погода, всколыхалось море, и выходит из морской глубины чудная кобылица, подбежала к первому стогу и принялась пожирать сено. Заморышек подскочил, обротал её железной цепью и сел верхом. Стала его кобылица мыкать, по долам, по горам носить; нет, не в силах седока сбить! Остановилась она и говорит ему:

– Ну, добрый молодец, когда сумел ты усидеть на мне, то возьми-владей моими жеребьями.

Подбежала кобылица к синю морю и громко заржала; тут сине море всколыхалось, и вышли на́ берег сорок один жеребец; конь коня лучше! Весь свет изойди, нигде таких не

найдёшь! Утром слышит старик на дворе ржанье, топот; что такое? А это его сынок Заморышек целый табун пригнал.

– Здорово, – говорит, – братцы! Теперь у всех у нас по коню есть; поедemте невест себе искать.

– Поедем!

Отец с матерью благословили их, и поехали братья в путь-дорогу далёкую.

Долго они ездили по белому свету, да где столько невест найти. Порознь жениться не хочется, чтоб никому обидно не было; а какая мать похвалится, что у ней как раз сорок одна дочь народилась? Заехали мóлодцы за тридевять земель; смотрят: на крутой горе стоят белокаменные палаты, высокой стеной обведены, у ворот железные столбы поставлены. Сосчитали – сорок один столб. Вот они привязали к тем столбам своих богатырских коней и идут на двор. Встречает их Баба-яга:

– Ах вы, незванные-непрошенные! Как вы смели лошадей без спросу привязывать?

– Ну, старая, чего кричишь? Ты прежде напой-накорми, в баню своди, да после про вести и спрашивай.

Баба-яга накормила их, напоила, в баню сводила и стала спрашивать:

– Что, добрые мóлодцы, дела пытаете иль от дела лытаете?

– Дела пытаем, бабушка!

– Чего ж вам надобно?

– Да невест ищем.

– У меня есть дочери, – говорит Баба-яга, бросилась в высокие терема и вывела сорок одну девицу.

Тут они сосватались, начали пить, гулять, свадьбы справлять. Вечером пошёл Заморышек на своего коня посмотреть. Увидел его добрый конь и промолвил человеческим голосом:

– Смотри, хозяин! Как ляжете вы спать с молодыми жёнами, нарядите их в свои платья, а на себя наденьте женины; не то все пропадём!

Заморышек сказал это братьям; нарядили они молодых жён в свои платья, а сами оделись в жёнины и легли спать. Все заснули, только Заморышек глаз не смыкает. В самую полночь закричала Баба-яга зычным голосом:

– Эй вы, слуги мои верные! Рубите незванным гостям буйны головы.

Прибежали слуги верные и отрубили буйны головы дочерям Бабы-яги. Заморышек разбудил своих братьев и рассказал всё, что было; взяли они отрубленные головы, воткнули на железные спицы кругом стены, потом оседлали коней и поехали наскоро.

Полуночью встала Баба-яга, глянула в окошечко – кругом стены торчат на спицах дочерние головы; страшно она озлобилась, приказала подать свой огненный щит, поскакала в погоню и начала палить щитом на все четыре стороны. Куда

мóлодцам спрятаться? Впереди сине море, позади Баба-яга – и жжёт и палит! Помирать бы всем, да Заморышек догадлив был: не забыл он захватить у Бабы-яги платочек, махнул тем платочком перед собою – и вдруг перекинулся мост через всё сине море; переехали добрые мóлодцы на другую сторону. Заморышек махнул платочком в иную сторону – мост исчез, Баба-яга воротилась назад, а братья домой поехали.

Баба-яга и жихарь¹¹

В одной семье было три брата: большего прозывали Бараном, среднего Козлом, а меньшего звали Чуфиль-Филюшка¹². Вот однажды все они трое пошли в лес, а в лесу жил караульщиком родной их дедушка. У этого дедушки Баран да Козёл оставили своего родного брата Чуфиль-Филюшку, а сами пошли в лес на охоту. Филюшке была и воля, и доля:

¹¹ Жихарь – лихой малый, удалой, разбитной парень; насмешник.

¹² Приставка «Чуфиль, Чуфилюшка» объясняется любимой русским простолюдином игрою слов.

дедушка был стар и большой недогад, а Филюшка тороват. Захотелось ему съесть яблочко; он отвернулся¹³ от дедушки да в сад, и залез на яблонь. Вдруг откуда ни взялась Яга-бура в железной ступе с пехтилем¹⁴ в руке; прискакала к яблоне и сказала:

- Здорово, Филюшка! Зачем туда залез?
- Да вот яблочко сорвать, – сказал Филюшка.
- На-ка, родимый, тебе моего яблочка.
- Это гнилое, – сказал Филюшка.
- На́ вот другое!
- А это червивое.
- Ну будет тебе дурачиться, Филюшка! А ты вот возьми-ка у меня яблочко-то из ручки в ручку.

Он протянул руку. Яга-бура как схватит его, посадила в ступу и поскакала по кустам, по лесам, по оврагам, борзо погоняет ступу пехтилем.

Тут Филюшка, опомнившись, начал кричать:

- Козёл, Баран! Бежите скорей! Меня Яга утащила за те горы за крутые, за те леса за тёмные, за те степи за гусиновые.

Козёл и Баран отдыхали тогда; один лежал на земле, вот ему и слышится – кричит кто-то.

- Прислонись-ка ты к земле! – говорит лежащий сидячему.
- Ой, это кричит наш Филюшка!

¹³ Увернулся.

¹⁴ Пёхтиль – пест, толкач, которым толкут лён и коноплю.

Пустились они бежать, бежали-бежали и догнали Ягу-буру, отбили Филюшку и привезли к дедушке, а дедушка с ума по нём сошёл! Вот приказали они дедушке смотреть за Филюшкой, а сами ушли. Филюшка по прежней уловке опять залез на яблонь; только залез, а Яга-бура опять перед ним и даёт ему яблочко.

– Нет, не обманешь меня, злодейка! – сказал Филюшка.

– Да ты, Филюшка, хоть поймай у меня яблочко; я тебе брошу.

– Хорошо, кидай!

Яга нарочно кинула ему яблочко пониже; он потянулся за яблочком, хотел было схватить – вдруг хватить его за руку Яга-бура и помчала без памяти опять по горам, по долам и по тёмным лесам; притащила его в свой дом, вымыла, выхолила и посадила в коник¹⁵.

Вот поутру собирается Яга идти в лес и приказывает своей дочери:

– Ну, дочка моя, истопи печь жарко-на́жарко и зажарь мне Чуфиль-Филюшку к ужоткому¹⁶! – а сама ушла на добычу.

Дочь истопила жарко печку, взяла, связала Филюшку и положила на лопату, и только хочет пихнуть его в печку – он упрёт да и упрёт в чело¹⁷ ногами.

¹⁵ Коник – ларь для спанья, крытая лавка в красном углу, под образами.

¹⁶ Ужотко – последующее, наступающее время.

¹⁷ Челó – верхняя часть русской печи.

– Ты не так, Филюшка! – сказала дочь Яги-бурой.
– Да как же? – говорит Филюшка. – Я не умею.
– Вот как, пусти-ка, я тебя научу! – и легла на лопату, как надо, а Чуфиль-Филюшка был малый не промах: как вдруг сунет её в печь и закрыл заслоном крепко-накрепко.

Прошло не больше как часа два-три, Филюшка учуял, что запахло жареным, отслонил заслонку и вынул дочь Яги-бурой изжаренную, помазал её маслом, прикрыл на сковороде полотенцем и положил в коник; а сам ушёл на потолок да взял с собою будничный пехтиль и ступу Яги-бурой. Вот перед вечером приходит Яга-бура, прямо сунулась в коник и вытащила жаркое; поела всё, собрала все кости, разложила их на земле рядом и начала по ним кататься, а про дочь и не встряхнётся¹⁸ – думает, что она в другой избе шерсть прядёт. Вот Яга, катаючись, приговаривает:

– Любезная моя дочь! Выйди ко мне и покатайся со мною на Филюшкиных косточках!

А Филюшка с потолка кричит:

– Покатайся, мать, поваляйся, мать, на дочерниных косточках!

– А, ты там, разбойник? Постой же, я тебе задам! – закричала зубами, застучала ногами и лезет на потолок. Чу-филюшка не испугался, схватил пехтиль и со всего маху ударил её по лбу: Яга лишь брыкнула наземь.

¹⁸ Встряхнуться – спохватиться.

Тут Филюшка залез на крышу; увидал, что летят гуси, он и кричит им:

– Дайте мне по пёрышку, я сделаю себе крылышки.

Они дали ему по пёрышку; он и полетел домой. А дома его уж давным-давно за упокой поминают; потом, как увидели его, все несказанно обрадовались и вместо упокойной затеяли превесёлую гульбу и стали себе жить-поживать да больше добра наживать.

Ивашко и ведьма¹⁹

Жил себе дед да баба, у них был один сыночек Ивашечко; они его так-то уж любили, что и сказать нельзя! Вот просит Ивашечко у отца и матери:

- Пустите меня, я поеду рыбку ловить.
 - Куда тебе! Ты ещё мал, пожалуй, утонешь, чего доброго!
 - Нет, не утону; я буду вам рыбку ловить: пустите!
- Баба надела на него белую рубашечку, красным поясом

¹⁹ Записано в Бобровском уезде Воронежской губернии.

подпоясала и отпустила Ивашечка.

Вот он сел в лодку и говорит:

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!

Челнок поплыл далеко-далёко, а Ивашко стал ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащилась баба на́ берег и зовёт своего сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!

Приплынь, приплынь на бережочек;

Я тебе есть и пить принесла.

А Ивашко говорит:

Чóвник, чóвник, плыви к бережку:

То меня мати́нька зовёт.

Челнок приплыл к бережку; баба забрала рыбу, накормила-напоила своего сына, переменяла ему рубашечку и поясок и отпустила опять ловить рыбку.

Вот он сел в лодочку и говорит:

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!

Челнок поплыл далеко-далёко, а Ивашко стал ловить рыб-

ку. Прошло мало ли, много ли времени, притащился дед на́ берег и зовёт своего сына́:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принёс.

А Ивашко:

Чóвник, чóвник, плыви к бережку:
То меня батинька зовёт.

Челнок приплыл к бережку; дед забрал рыбу, накормил-напоил сына́, переменял ему рубашечку и поясок и отпустил опять ловить рыбку.

Ведьма слышала, как дед и баба призывали Ивашку, и захотелось ей овладеть мальчиком. Вот приходит она на́ берег и кричит хриплым голосом:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принесла.

Ивашко слышит, что это голос не его матери, а голос ведьмы, и поёт:

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько,
Чóвник, чóвник, плыви дальшенько:

То меня не мать зовёт, то меня ведьма зовёт.

Ведьма увидела, что надобно звать Ивашку тем же голо-
сом, каким его мать зовёт, побежала к кузнецу и просит его:

– Ковалику²⁰, ковалику! Скуй мне такой тонесенький го-
лосок, как у Ивашкиной матери; а то я тебя съем!

Коваль сковал ей такой голосок, как у Ивашкиной матери.
Вот ведьма пришла ночью на бережок и поёт:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!

Приплынь, приплынь на бережочек;

Я тебе есть и пить принесла.

Ивашко приплыл; она рыбу забрала, его самого схватила и
унесла к себе. Пришла домой и заставляет свою дочь Алёнку:

– Истопи печь пожарче да сжарь хорошенько Ивашку, а я
пойду соберу гостей – моих приятелей.

Вот Алёнка истопила печь жарко-жарко и говорит Иваш-
ке:

– Ступай, садись на лопату!

– Я ещё мал и глуп, – отвечает Ивашко, – я ничего ещё не
умею – не разумею; поучи меня, как надо сесть на лопату.

– Хорошо, – говорит Алёнка, – поучить недолго! – и толь-
ко села она на лопату, Ивашко так и барахнул её в печь и
закрыл заслонкой, а сам вышел из хаты, запер двери и влез

²⁰ Коваль – кузнец; ковать, подкова.

на высокий-высокий дуб.

Ведьма приходит с гостями и стучится в хату; никто не открывает ей дверей.

– Ах, проклятая Алёнка! Верно, ушла куда-нибудь играть.

Влезла ведьма в окно, отворила двери и впустила гостей, все уселись за стол, а ведьма открыла заслонку, достала жареную Алёнку – и на стол: ели-ели, пили-пили и вышли на двор и стали валяться на траве.

– Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись! – кричит ведьма. – Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись!

А Ивашко переговаривает её с верху дуба:

– Покатайся, поваляйся, Алёнкина мясца наевшись!

– Мне что-то послышалось, – говорит ведьма.

– Это листья шумят!

Опять ведьма говорит:

– Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись!

А Ивашко своё:

– Покатися, повалися, Алёнкина мясца наевшись!

Ведьма посмотрела вверх и увидела Ивашку; бросилась она грызть дуб – тот самый, где сидел Ивашко, грызла, грызла, грызла – два передних зуба выломала и побежала в кузню. Прибежала и говорит:

– Ковалику, ковалику! Скуй мне железные зубы, а не то я тебя съем!

Коваль сковал ей два железных зуба.

Воротилась ведьма и стала опять грызть дуб; грызла, грызла, и только что перегрызла, как Ивашко взял да и перескочил на другой, соседний дуб, а тот, что ведьма перегрызла, рухнул наземь. Ведьма видит, что Ивашко сидит уже на другом дубе, заскрипела от злости зубами и принялась снова грызть дерево; грызла, грызла, грызла – два нижних зуба выломала и побежала в кузню. Прибежала и говорит:

– Ковалику, ковалику! Скуй мне железные зубы, а не то я тебя съем!

Коваль сковал ей ещё два железных зуба. Воротилась ведьма и стала опять грызть дуб. Ивашко не знает, что ему и делать теперь; смотрит: летят гуси-лебеди; он и просит их:

Гуси мои, лебедята, Возьмите меня на крылья, Понесите меня до батины, до матины; У батины, у матины Пити-ести, хорошо ходити!

– Пушай тебе средние вьзьмут, – говорят птицы.

Ивашко ждёт; летит другое стадо, он опять просит:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылья,
Понесите меня до батины, до матины;
У батины, у матины
Пити-ести, хорошо ходити!

– Пушай тебя задние вьзьмут.

Ивашко опять ждёт; летит третье стадо, он просит:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылья,
Понесите меня до батины, до матины;
У батины, у матины
Пити-ести, хорошо ходити!

Гуси-лебеди подхватили его и понесли домой, прилетели к хате и посадили Ивашку на чердак.

Рано поутру баба собралась печь блины, печёт, а сама вспоминает сына:

– Где-то мой Ивашечко? Хоть бы во сне его увидеть!

А дед говорит:

– Мне снилось, будто гуси-лебеди принесли нашего Ивашку на своих крыльях.

Напекла баба блинов и говорит:

– Ну, старик, давай делить блины: это – тебе, дед, это – мне; это – тебе, дед, это – мне...

– А мне нема! – отзывается Ивашко.

– Это – тебе, дед, это – мне...

– А мне нема!

– А ну, старик, – говорит баба, – посмотри, что там такое?

Дед полез на чердак и достал оттуда Ивашку. Дед и баба обрадовались, расспросили сына обо всём, обо всём и стали вместе жить да поживать да добра наживать.

Лутонька

В некоторой деревне жил старик со старухой; детей у них не было. Однажды старик поехал в лес за дровами; это было зимою. Старик нарубил дров, сколько нужно было, да срубил ещё лутошку²¹. Приехал домой, дрова на дворе оставил, а лутошку в избу принёс и положил в подпечек. На третий день что-то в подпечке зашумело, а потом кричит:

– Тятя! Мама! Выньте меня.

²¹ Лутошка – молодая липка, срубленная для сдирки лыка.

Старик со старухой испугались; да слышат и в другой раз тот же голос:

– Тятя! Мама! Выньте меня; – старик поглядел в подпечек и увидел там небольшого мальчика.

Вынул его оттуда, показал старухе, и назвали его Лутонью, стали его и кормить и поить.

Пришло лето, стал мальчик промышлять рыбною ловлею и тем промыслом кормил старика со старухой. Старуха, бывало, придёт к нему на ловлю и кричит²² его:

– Лутонь, Лутонь, Лутонюшка! Пригрянть, пригрянть ко бережку, а я тебе дам пирожка с начинкою.

Лутоня как слышит голос матери – и подъезжает в берегу; от матери берёт кусок пирога, а ей даёт рыбу. Однажды подглядела это Ягая-баба, пришла к тому месту и начала его манить к себе такими же словами, как и мать кликала; Лутонюшка услышал толстый голос Ягой-бабы и сказал ей в ответ:

– Нет, не матушкин голос: очень толст! Поди, язык поточи!

С тем Ягая-баба и отправилась. После того приходит туда же старуха, его мать названная, и начала манить:

– Лутонь, Лутонь, Лутонюшка! Пригрянть, пригрянть ко бережку, а я тебе дам пирожка с начинкою.

Лутонька услышал материн голос, подъехал к берегу, взял у неё пирог, а ей рыбу отдал.

²² Зовёт.

Старуха ушла, а Ягая-баба выточила свой язык на точиле и немного погодя прибежала на берег и стала манить Лутонюшку. Лутонька не узнал её голоса, подумал, что мать его зовёт, подъехал к берегу; Ягая-баба схватила его и утащила в свою избу. У Ягой-бабы было три дочери. Она приказала большей дочери истопить избу жарко-жарко, Лутоньку ожарить, а сама ушла в поле гулять. Бóльшая дочь истопила избу, привела Лутоньку и велела ему садиться на лопату. Лутонька был неплох, начал отговариваться, что не знает, не ведаёт, как сесть на лопату:

– Покажи, – просит, – как надо садиться?

Дочка Ягой-бабы села на лопату, а Лутонька взял лопату за черен²³ и сунул её в печь, а сам залез на полдовку²⁴. Приходит Ягая-баба и спрашивает Лутоньку; дочери вынули из печи свою сестру и подали матери: она её и скушала. Вышла на двор и говорит:

– Покатаюсь, поваляюсь на Лутонькиных косточках!

А Лутонька сидит на полдовке да себе говорит:

– Покатайся, поваляйся на дочерних косточках!

Ягая-баба увидела Лутоньку и закричала:

– Как ни встану, а достану тебя, Лутонька!

Достала Лутоньку и отдала дочерям, приказала его ожа-

²³ Рукоятка.

²⁴ Полдовка – чердак.

рить, а сама опять ушла. Дочери истопили избу; середняя хотела посадить Лутоньку на лопату, но он обманул её и сунул самое в печь. То же сделал он и с младшею. Ягая-баба пришла домой, стала звать дочерей; нет никого. Вынула сама жареное и съела, потом вышла на двор и говорит:

– Покатаюсь, поваляюсь на Лутонькиных косточках!

А Лутонька с полдовки отвечает:

– Покатайся, поваляйся, дура, на дочерних косточках!

Ягая-баба увидела его, осердилась и хотела достать. Лу-тонька закричал жалобным голосом:

– Ах вы, гуси, ах вы, лебеди! Прилетите ко мне, вырвите по пёрышку.

Гуси-лебеди прилетели, вырвали у себя по пёрышку, сделали два крылышка и дали Лутонюшке; Лутонька взял и улетел от Ягой-бабы к отцу, к матери и стал вместе с ними жить-поживать да рыбку из воды таскать.

Три царства – медное, серебряное и золотое²⁵

Бывало да живало – жили-были старик да старушка; у них было три сына: первый – Егорушко Залёт, второй – Миша Косолапый, третий – Ивашко Запечник. Вот вздумали отец и мать их женить; послали большого сына присматривать невесту, и он шёл да шёл – много времени; где ни посмотрит на

²⁵ Записано в Пинежском уезде Архангельской губернии.

девок, не может прибрать себе невесты, всё не глянутся²⁶. Потом встретил на дороге змея о трёх головах и испугался, а змей говорит ему:

– Куда, добрый человек, направился?

Егорушко говорит:

– Пошёл свататься, да не могу невесты приискать.

Змей говорит:

– Пойдём со мной; я поведу тебя, сможешь ли достать невесту?

Вот шли да шли, дошли до большого камня. Змей говорит:

– Отврати камень; там чего желаешь, то и получишь.

Егорушко старался отворотить, но ничего не мог сделать. Змей сказал ему:

– Дак нет же тебе невесты!

И Егорушко воротился домой, сказал отцу и матери обо всём. Отец и мать опять думали-подумали, как жить да быть, послали среднего сына, Мишу Косолапого. С тем то же самое случилось. Вот старик и старушка думали-подумали, не знают, что делать: если послать Ивашка Запечника, тому ничего не сделать!

А Ивашко Запечник стал сам проситься посмотреть змея; отец и мать сперва не пускали его, но после пустили. И

²⁶ То есть, не нравятся.

Ивашко тоже шёл да шёл, и встретил змея о трёх головах. Спросил его змей:

– Куда направился, добрый человек?

Он сказал:

– Братья хотели жениться, да не смогли достать невесту, а теперь мне черёд выпал.

– Пожалуй, пойдём, я покажу; сможешь ли ты достать невесту?

Вот пошли змей с Ивашком, дошли до того же камня, и змей приказал камень отворотить с места. Ивашко хватил его, и камень как не бывал – с места слетел; тут оказалась дыра в землю, и близ неё утверждены ремни. Вот змей и говорит:

– Ивашко садись на ремни; я тебя спущу, и ты там пойдёшь и дойдёшь до трёх царств, а в каждом царстве увидишь по девице.

Ивашко спустился и пошёл; шёл да шёл, и дошёл до медного царства; тут зашёл и увидел девицу, прекрасную из себя. Девица говорит:

– Добро пожаловать, небывалый гость! Приходи и садись, где место просто²⁷ видишь; да скажись, откуда идёшь и куда?

– Ах, девица красная! – сказал Ивашко. – Не накормила, не напоила, да стала вести спрашивать.

²⁷ Пусто, не занято.

Вот девица собрала на стол всякого кушанья и напитков; Ивашко выпил и поел и стал рассказывать, что иду-де искать себе невесты: — если милость твоя будет — прошу выйти за меня.

— Нет, добрый человек, — сказала девица, — ступай ты вперёд, дойдёшь до серебряного царства: там есть девица ещё прекраснее меня! — и подарила ему серебряный перстень.

Вот добрый молодец поблагодарил девицу за хлеб за соль, распростился и пошёл; шёл да шёл, и дошёл до серебряного царства; зашёл сюда и увидел: сидит девица прекраснее первой. Помолился он Богу и бил челом:

— Здорово, красная девица!

Она отвечала:

— Добро пожаловать, прохожий молодец! Садись да хвастай: чей да откуль и какими делами сюда зашёл?

— Ах, прекрасная девица! — сказал Ивашко. — Не напоила, не накормила да стала вести спрашивать.

Вот собрала девица стол, принесла всякого кушанья и напитков; тогда Ивашко попил, поел, сколько хотел, и начал рассказывать, что он пошёл искать невесты, и просил её замуж за себя. Она сказала ему:

— Ступай вперёд, там есть ещё золотое царство, и в том царстве есть ещё прекраснее меня девица, — и подарила ему золотой перстень.

Ивашко распростился и пошёл вперёд, шёл да шёл, и дошёл до золотого царства, зашёл и увидел девицу прекраснее всех. Вот он Богу помолился и, как следует, поздоровался с девицей. Девица стала спрашивать его: откуда и куда идёт?

— Ах, красная девица! — сказал он. — Не напоила, не накормила, да стала вести спрашивать.

Вот она собрала на стол всякого кушанья и напитков, чего лучше требовать нельзя. Ивашко Запечник угостился всем хорошо и стал рассказывать:

— Иду я себе невесту ищу; если ты желаешь за меня замуж, то пойдём со мною.

Девица согласилась и подарила ему золотой клубок, и пошли они вместе.

Шли да шли, и дошли до серебряного царства — тут взяли с собой девицу; опять шли да шли, и дошли до медного царства — и тут взяли девицу, и все пошли до дыры, из которой надобно вылезать, и ремни тут висят; а старшие братья уже стоят у дыры, хотят лезть туда же искать Ивашку.

Вот Ивашко посадил на ремни девицу из медного царства и затряс за ремень; братья потащили и вытащили девицу, а ремни опять опустили. Ивашко посадил девицу из серебряного царства, и ту вытащили, а ремни опять опустили; потом посадил он девицу из золотого царства, и ту вытащили, а ремни опустили. Тогда и сам Ивашко сел: братья потащи-

ли и его, тащили-тащили, да как увидели, что это – Ивашко, подумали:

– Пожалуй, вытащим его, дак он не даст ни одной девичьи! – и обрезали ремни; Ивашко упал вниз.

Вот, делать нечего, поплакал он, поплакал и пошёл вперёд; шёл да шёл, и увидел: сидит на пне старик – сам с четверть, а борода с локоть – и рассказал ему всё, как и что с ним случилось. Старик научил его идти дальше:

– Дойдёшь до избушки, а в избушке лежит длинный мужчина из угла в угол, и ты спроси у него, как выйти на Русь.

Вот Ивашко шёл да шёл, и дошёл до избушки, зашёл туда и сказал:

– Сильный Идолище! Не погуби меня: скажи, как на Русь попасть?

– Фу-фу! – проговорил Идолище. – Русскую коску²⁸ никто не звал, сама пришла. Ну пойдёшь ты за тридцать озёр; там стоит на куриной ножке избушка, а в избушке живёт Яга-баба; у ней есть орёл-птица, и она тебя вынесет.

Вот добрый молодец шёл да шёл, и дошёл до избушки; зашёл в избушку, Яга-баба закричала:

– Фу, фу, фу! Русская коска, зачем сюда пришла?

Тогда Ивашко сказал:

– А вот, бабушка, пришёл я по приказу сильного Идолища попросить у тебя могучей птицы орла, чтобы она вытащила

²⁸ Костку, кость.

меня на Русь.

– Иди же ты, – сказала Яга-баба, – в садок; у дверей стоит караул, и ты возьми у него ключи и ступай за семь дверей; как будешь отпирать последние двери – тогда орёл встрепнётся крыльями, и если ты его не испугаешься, то сядь на него и лети; только возьми с собою говядины, и когда он станет оглядываться, ты давай ему по куску мяса.

Ивашко сделал всё по приказанью Ягой-бабки, сел на орла и полетел; летел-летел, орёл оглянулся – Ивашко дал ему кусок мяса; летел-летел и часто давал орлу мяса, уж скормил всё, а ещё лететь не близко. Орёл оглянулся, а мяса нет; вот орёл выхватил у Ивашка из холки кусок мяса, съел и вытащил его в ту же дыру на Русь. Когда сошёл Ивашко с орла, орёл выхаркнул кусок мяса и велел ему приложить к холке. Ивашко приложил, и холка заросла. Пришёл Ивашко домой, взял у братьев девицу из золотого царства, и стали они жить да быть, и теперь живут. Я там был, пиво пил; пиво-то по усу текло, да в рот не попало.

Ведьма и солнцева сестра

В некотором царстве, далёком государстве, жил-был царь с царицей, у них был сын Иван-царевич, с роду немой. Было ему лет двенадцать, и пошёл он раз в конюшню к любимому своему конюху. Конюх этот сказывал ему завсегда сказки, и теперь Иван-царевич пришёл послушать от него сказочки, да не то услышал.

– Иван-царевич! – сказал конюх. – У твоей матери скоро родится дочь, а тебе сестра; будет она страшная ведьма, съест и отца, и мать, и всех подначальных людей; так ступай,

попроси у отца что ни есть наилучшего коня – будто показаться, и поезжай отсюда куда глаза глядят, коли хочешь от беды избавиться.

Иван-царевич прибежал к отцу и с роду впервой заговорил с ним; царь так этому возрадовался, что не стал и спрашивать: зачем ему добрый конь надобен? Тотчас приказал что ни есть наилучшего коня из своих табунов оседлать для царевича. Иван-царевич сел и поехал куда глаза глядят.

Долго-долго он ехал; наезжает на двух старых швей и просит, чтоб они взяли его с собой жить. Старухи сказали:

– Мы бы рады тебя взять, Иван-царевич, да нам уж немного жить. Вот доломаем сундук иголок да изошьём сундук ниток – тотчас и смерть придёт!

Иван-царевич заплакал и поехал дальше. Долго-долго ехал, подъезжает к Вертодубу и просит:

– Прими меня к себе!

– Рад бы тебя принять, Иван-царевич, да мне жить остаётся немного. Вот как повыдерну все эти дубы с корнями – тотчас и смерть моя!

Пуще прежнего заплакал царевич и поехал всё дальше да дальше. Подъезжает к Вертогору; стал его просить, а он в ответ:

– Рад бы принять тебя, Иван-царевич, да мне самому жить немного. Видишь, поставлен я горы ворочать; как справлюсь с этими последними – тут и смерть моя!

Залился Иван-царевич горькими слезами и поехал ещё дальше.

Долго-долго ехал; приезжает наконец к Солнцевой сестрице. Она его приняла к себе, кормила-поила, как за родным сыном ходила. Хорошо было жить царевичу, а всё нет-нет, да и сгрустнётся: захочется узнать, что в родном доме делается? Взойдёт, бывало, на высокую гору, посмотрит на свой дворец и видит, что всё съедено, только стены остались! Вздохнёт и заплачет. Раз этак посмотрел да поплакал – воротился, а Солнцева сестра спрашивает:

– Отчего ты, Иван-царевич, нонче заплаканный?

Он говорит:

– Ветром в глаза надуло.

В другой раз опять то же; Солнцева сестра взяла да и запретила ветру дуть. И в третий раз воротился Иван-царевич заплаканный; да уж делать нечего – пришлось во всём признаться, и стал он просить Солнцеву сестрицу, чтоб отпустила его, добра мбóлдца, на родину понаведаться. Она его не пускает, а он её упрашивает; наконец упросил-таки, отпустила его на родину понаведаться и дала ему на дорогу щётку, гребёнку да два моложавых яблочка; какой бы ни был стар человек, а съест яблочко – вмиг помолодеет!

Приехал Иван-царевич к Вертогору, всего одна гора осталась; он взял свою щётку и бросил во чистó поле: откуда

ни взялись – вдруг выросли из земли высокие-высокие горы, верхушками в небо упираются; и сколько тут их – видимо-невидимо! Вертогор обрадовался и весело принялся за работу. Долго ли, коротко ли – приехал Иван-царевич к Вертодубу, всего три дуба осталось; он взял гребёнку и кинул во чистое поле: откуда что – вдруг зашумели, поднялись из земли густые дубовые леса, дерево дерева толще! Вертодуб обрадовался, благодарствовал царевичу и пошёл столетние дубы выворачивать. Долго ли, коротко ли – приехал Иван-царевич к старухам, дал им по яблочку; они съели, вмиг помолодели и подарили ему хусточку²⁹: как махнёшь хусточкой – станет позади целое озеро!

Приезжает Иван-царевич домой. Сестра выбежала, встретила его, приголубила:

– Сядь, – говорит, – братец, поиграй на гусях, а я пойду – обед приготовлю.

Царевич сел и бренчит на гусях; выполз из норы мышонок и говорит ему человеческим голосом:

– Спасайся, царевич, беги скорее! Твоя сестра ушла зубы точить.

Иван-царевич вышел из горницы, сел на коня и поскакал назад; а мышонок по струнам бегаёт, гусли бренчат, а сестра и не ведает, что братец ушёл. Наточила зубы, бросилась в горницу, глядь – нет ни души, только мышонок в нору

²⁹ Хусточка – платочек.

скользнул. Разозлилась ведьма, так и скрипит зубами, и пустилась в погоню.

Иван-царевич услышал шум, оглянулся – вот-вот нагонит сестра; махнул хусточкой – и стало глубокое озеро. Пока ведьма переплыла озеро, Иван-царевич далеко уехал. Понеслась она ещё быстрее... вот уж близко! Вертодуб угадал, что царевич от сестры спасается, и давай вырывать дубы да валить на дорогу; целую гору накидал! Нет ведьме проходу! Стала она путь прочищать, грызла-грызла, насилу продралась, а Иван-царевич уж далеко. Бросилась догонять, гнала-гнала, ещё немножко... и уйти нельзя! Вертогор увидел ведьму, схватился за самую высокую гору и повернул её как раз на дорогу, а на ту гору поставил другую. Пока ведьма карабкалась да лезла, Иван-царевич ехал да ехал и далеко очутился.

Перебралась ведьма через горы и опять погнала за братом... Завидела его и говорит:

– Теперь не уйдёшь от меня!

Вот близко, вот нагонит! В то самое время подскакал Иван-царевич к теремам Солнцевой сестрицы и закричал:

– Солнце, Солнце! Отвори оконце.

Солнцева сестрица отворила окно, и царевич вскочил в него вместе с конём. Ведьма стала просить, чтоб ей выдали брата с головою; Солнцева сестра её не послушала и не вы-

дала. Тогда говорит ведьма:

– Пусть Иван-царевич идёт со мной на весы, кто кого перевесит! Если я перевешу – так я его съем, а если он перевесит – пусть меня убьёт!

Пошли; сперва сел на весы Иван-царевич, а потом и ведьма полезла: только ступила ногой, как Ивана-царевича вверх и подбросило, да с такою силою, что он прямо попал на небо, к Солнцевой сестре в терема; а ведьма-змея осталась на земле.

Крошечки-хаврошечки и другие молодницы

Крошечка-Хаврошечка в русских сказках – это образ де-вушки, которая проходит через тяжёлые испытания и иници-ацию, сохраняя при этом связь с собой, своими эмоциями и внутренней мудростью. Она – сирота, попавшая к злым лю-дям, которые эксплуатируют и обижают её, но при этом она находит магическую поддержку, преодолевает трудности и постепенно идёт своим путём к внутреннему счастью и успе-ху.

АРХЕТИП КРОШЕЧКИ-ХАВРОШЕЧКИ:

Это женский «путь героя», где героиня пережи-вает кризисы и социальные рамки, обретая через испытания свою внутреннюю силу.

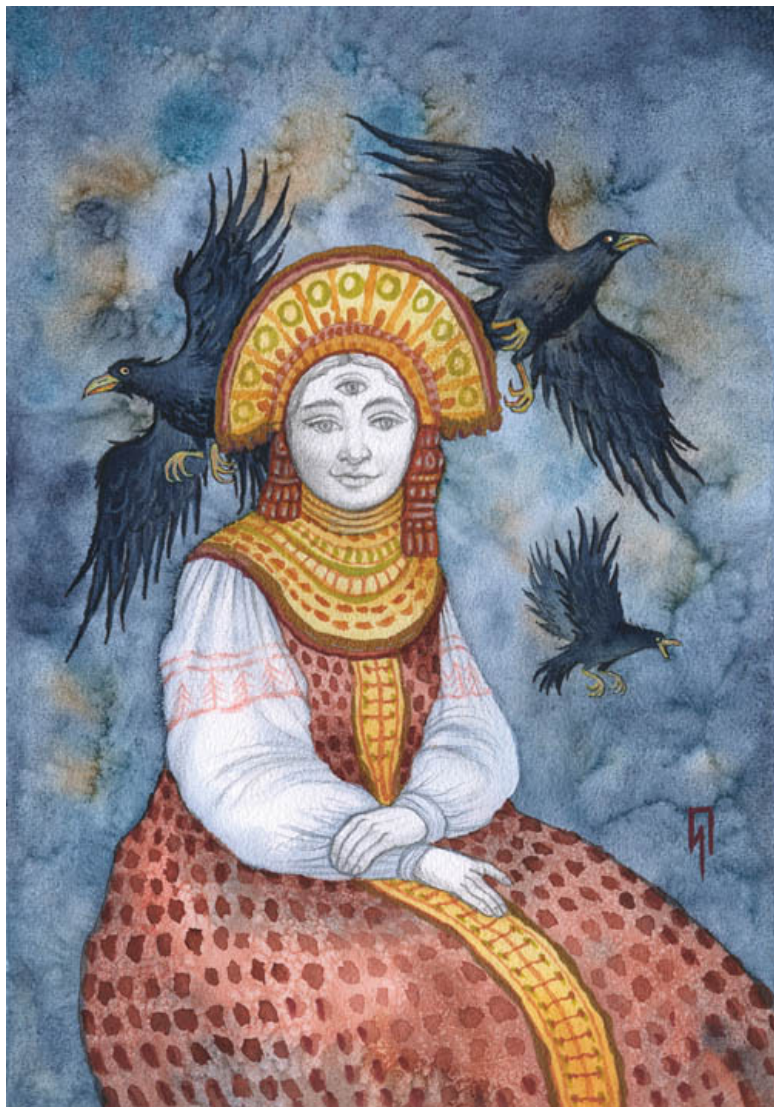

Символизирует принятие жизненных испыта-ний и тени личности (женских травм и сложностей), сохра-нение внутренней целостности и эмоционального интеллек-

та, что позволяет пройти путь духовного взросления без разрушения, а через внутреннюю трансформацию и создание своей «царской» внутренней власти.

Отражает тему сепарации от жестоких или эгоистичных семейных сценариев и учит искать и обретать свою истинную силу и предназначение.

Крошечка-хаврошечка³⁰

Вы знаете, что есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые Бога не боятся, своего брата не стыдятся: за таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой; взяли её эти люди, выкормили и на свет божий не пустили, над работою каждый день занудили, заморили; она и подаёт, и прибирает, и за всех и за всё отвечает.

³⁰ Записано в Курской губернии.

А были у её хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя – Двуглазка, а меньшая – Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала. Вот то-то и больно – ткнуть да толкнуть есть кому, а приветить да приохотить нет никого!

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать:

– Коровушка-матушка! Меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтраму дали пять пудов напрядь, наткать, побелить, в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

– Красная девица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь – всё будет сработано.

Так и сбывалось. Вылезет красная девица из ушка – всё готово: и наткано, и побелено, и покатано. Отнесёт к мачехе; та поглядит, побряхтит, спрячет в сундук, а ей ещё больше работы задаст. Хаврошечка опять придёт к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмёт принесёт.

Дивится старуха, зовёт Одноглазку:

– Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Доглядись, кто сироте помогает: и ткёт, и прядёт, и в трубы катает?

Пошла с сиротой Одноглазка в лес, пошла с нею в поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке; а Хаврошечка приговаривает:

– Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок заснул; пока Одноглазка спала, коровушка и наткала и побелила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке разлеглась, матернино приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошечка баюкает:

– Спи, глазок, спи, другой!

Коровушка наткала, побелила, в трубы покатала; а Двуглазка всё ещё спала.

Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте ещё больше работы дала. И Триглазка, как её старшие сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хаврошечка поёт:

– Спи, глазок, спи, другой! – а об третьем забыла.

Два глаза заснули, а третий глядит и всё видит, всё – как красная девица в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала. Всё, что видела, Триглазка матери рассказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

– Режь рябую корову!

Старик так-сяк:

– Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

Режь, да и только! Наточил ножик...

Побежала Хаврошечка к коровушке:

– Коровушка-матушка! Тебя хотят резать.

– А ты, красная девица, не ешь моего мяса; косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их рассади и никогда меня не забывай, каждое утро водою их поливай.

Хаврошечка всё сделала, что коровушка завещала; голодом голодала, мяса её в рот не брала, косточки каждый день в саду поливала, и выросла из них яблонька, да какая – боже мой! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные; кто ни едет мимо – останавливается, кто проходит близко – тот заглядывается.

Случилось раз – девушки гуляли по саду; на ту пору ехал по полю барин – богатый, кудреватый, молоденький. Увидел яблочки, затрогал девушек:

– Девицы-красавицы! – говорит он. – Которая из вас мне яблочко поднесёт, та за меня замуж пойдёт.

И бросились три сестры одна перед другой к яблоньке. А яблочки-то висели низко, под руками были, а то вдруг поднялись высоко-высоко, далеко над головами стали. Сёстры хотели их сбить – листья глаза засыпают, хотели сорвать – сучья косы расплетают; как ни бились, ни метались – ручки изодрали, а достать не могли. Подошла Хаврошечка, и веточки приклонились, и яблочки опустились. Барин на ней

женился, и стала она в добре поживать, лиха не зная.

Двенадцать девушек

Жили мышь с воробьём ровно тридцать лет так дружно: кто что ни найдёт – всё пополам. Раз воробей нашёл маковое зёрнышко. «Что тут делить? – подумал он. – Раз куснуть – нет ничего!» Взял да и съел один зёрнышко. Спознала про то мышь и не захотела больше жить с воробьём. «Давай, – говорит ему, – давай драться не на живот, а на смерть; ты собирай всех птиц, а я соберу всех зверей». Так и случилось; собрались и звери и птицы, бились долго-долго. В этом бою побили одного орла; тот полетел на дубок и сел на ветку.

На ту пору мужик в лесу охотился; охота была неудачная. «Дай, – подумал мужик, – хоть орла убью». Не успел он взяться за ружьё, как орёл проведал человеческим голосом: «Не бей меня, добрый человек! Я тебе ничего худого не сделал». Мужик пошёл от него прочь, ходил-ходил, не нашёл никакой птицы; подходит в другой раз к дубу и хочет орла убить. Уж совсем было приловчился, орёл опять упрости его. Мужик пошёл от него прочь; ходил-ходил, не нашёл ничего; поравнялся опять с орлом, приложился и выстрелил – ружьё у него осеклось. Проговорил орёл: «Не бей ты меня, добрый человек, в некую пору пригожусь я тебе. Возьми лучше к себе, выхоли да вылечи».

Мужик послушался, взял орла в избу к себе, стал его кормить мясом: то овцу зарежет, то телёнка. В дому мужик жил не один; семья была большая – стали на него ворчать, что он весь на орла проживается. Мужик терпел долго; наконец говорит орлу: «Полетай, куда знаешь; больше держать тебя не смогу». – «Пусти меня сил попробовать», – отвечает орёл. Взлетел орёл высоко, опустился наземь и говорит мужику: «Продержи меня ещё три дня». Мужик согласился.

Прошло три дня; молвил орёл мужику: «Пора нам с тобою рассчитаться; садись на меня». Мужик сел на орла; орёл взвился и полетел на сине море. Отлетел от берега и спрашивает у мужика: «Погляди да скажи, что за нами и что перед нами, что над нами и что под нами?» – «За нами, – отвечает мужик, – земля, перед нами – море, над нами – небо, под на-

ми – вода». Орёл встрепенулся, мужик свалился; только орёл не допустил его упасть в воду, на лету поймал. Взлетел орёл на середину синя моря, опять стал спрашивать: «Что за нами и что перед нами, что над нами и что под нами?» – «И за нами – море и перед нами – море, над нами – небо, под нами – вода». Орёл встрепенулся, мужик свалился и упал в море; орёл не дал ему потонуть, подхватил и посадил на себя.

Подлетают они к другому берегу; стал опять орёл спрашивать: «Что за нами и что перед нами, что над нами и что под нами?» Отвечает мужик: «За нами – море, перед нами – земля, над нами – небо, под нами – вода». Орёл встрепенулся, упал мужик в море, стал совсем тонуть, чуть-чуть не захлебнулся... Орёл вытащил его, посадил на себя и говорит: «Хорошо тебе тонуть было? Таково-то и мне было сидеть на дереве, как ты в меня из ружья целился. Теперь за зло мы рассчитались; давай добром считаться».

Взлетели они на берег; летели близко ли, далеко ли – видят посеред поля медный столб. «Прочти на столбе надпись», – приказывает орёл мужику. Мужик прочёл. «За этим столбом, – говорит, – стоит медный город на двадцать пять вёрст». – «Ступай в медный город; тут живёт моя сестрица. Проси у неё медный ларчик с медными ключиками; что б она тебе ни давала, ничего другого не бери – ни злата, ни серебра, ни камёнья самоцветного». Приходит мужик в город и прямо к царице: «Здравствуй! Тебе брат поклон шлёт». – «А как ты знаешь моего брата?» – «Да я кормил его, больного,

целые три года». – «Спасибо тебе, мужичок! Вот тебе золото, и серебро, и камень самоцветный – бери сколько душе угодно!» Мужик ничего не берёт, только просит медного ларчика с медными ключиками. Она ему отказала: «Нет, голубчик! Это для меня стоит дорого». – «А дорого, так мне ничего не надобно». Поклонился, ушёл за город и рассказал всё орлу. «Ничего, – промолвил орёл, – садись на меня». Мужик сел, орёл полетел.

Стоит посеред поля столб – весь серебряный. Заставил орёл мужика надпись читать. Тот прочёл. «За этим столбом, – говорит, – стоит город серебряный на пятьдесят вёрст». – «Ступай в серебряный город; там живёт моя сестрица, спроси у неё серебряный ларчик с серебряными ключиками». Мужик приходит в город, прямо к царице, орловой сестрице; рассказал ей, как у него братец орёл проживал, как он его холил и кормил, и стал просить серебряный ларчик с серебряными ключиками. «Правда, – сказала царица мужику, – ты сберёг моего братца; бери, сколько хочешь, золота и серебра и камня самоцветного, а ларчика не отдам». Мужик вышел за город и рассказал всё орлу. «Ничего, – сказал орёл, – садись на меня». Мужик сел, орёл полетел.

Стоит посеред поля столб – весь золотой. Заставил орёл мужика читать на столбе надпись. «За этим столбом, – прочёл мужик, – стоит золотой город на сто вёрст». – «Ступай туда; в этом городе живёт моя любимая сестрица, – прого-

ворил орёл, — проси у неё золотой ларчик с золотыми ключиками». Мужик пришёл прямо к царице, орловой сестрице; рассказал ей, как жил у него орёл, как он за больным орлом ухаживал и чем его кормил-поил, и стал просить золотой ларчик с золотыми ключиками. Та слова ему не сказала — сейчас отдала ларчик: «Хоть дорог мне ларчик, а брат дороже!» Мужик взял подарок и вышел к орлу за город. «Ступай теперь домой, — сказал ему орёл, — да смотри не отпирай ларчика до самого дому». Сказал и улетел.

Мужик долго крепился, да не выдержал до своего времени: не дошедши до двора, открыл золотой ларчик, и только успел открыть — как стал перед ним золотой город. Мужик смотрит — не насмотрится; чудно ему показалось, как это из ларчика да целый город выскочил! Меж тем царь той земли, на которой раскинулся золотой город, прислал сказать мужику, чтобы он или отдал ему город, или то, что есть у него дома и чего он не ведаёт. Не захотелось мужику отдавать города; он подумал: «То, чего я не знаю, не жалко и отдать будет!» и согласился на последнее. Только вымолвил ответ свой, глядь — города нет: стоит он в чистом поле один-одинёхонек, а возле него золотой ларчик с золотыми ключиками. Взял мужик ларчик и поплёлся домой.

Приходит в свою избу, а жена несёт ему младенца, что без него родила. Тут только спохватился мужик и спознал, чего просил у него царь земли неверной. Делать было нечего; раскинул он золотой город и стал до времени растить сына.

Стало сыну осьмнадцать лет; царь земли неверной прислал сказать, что пора-де рассчитаться. Поплакал мужик, благо-словил сына, да и послал к царю.

Идёт молодец путём-дорогою, подходит ко Дунаю-реке и прилёт тут на бережку отдохнуть. Видит он, что пришли двенадцать девушек – одна другой лучше, разделись, обернулись серыми утицами и полетели купаться. Молодец подкрался и взял платье одной девушки. Накупавшись, утицы вылетели на берег. Все оделись; одной недостало платья. Одетые улетели, а та стала плакать и просить молодца: «Отдай моё платье; не в кую пору сама сгожусь я тебе». Молодец подумал-подумал и отдал ей платье.

Приходит он к царю неверному. «Слушай, добрый молодец! – говорит царь земли неверной. – Узнай ты мою меньшую дочь; узнаешь – пушу тебя на все на четыре стороны, не узнаешь – пеняй на себя!» Только вышел молодец из дворца, меньшая царевна навстречу ему: «Отдал ты мне платье, добрый молодец, пригожусь и я тебе. Завтра отец мой будет показывать тебе всех нас, сестёр, и велит меня угадывать. Мы все похожи одна на другую; так ты смотри: у меня на левом ухе будет мошка ползать».

Наутро зовёт к себе молодца царь неверный, показывает ему двенадцать своих дочерей. «Угадай, – говорит, – которая меньшая дочь?» Молодец посмотрел: у которой на левом ухе мошка, на ту и показал. Завопил, закричал царь: «Слушай молодец! Тут подлог есть, да я тебе не игрушка. Выстрой к

завтрему мне белокаменные палаты; мои, вишь, стары, так я хочу в новые перейти. Выстроишь – отдам за тебя меньшую дочь, не выстроишь – живого съем!» Запечалился молодец, идучи от неверного царя, да царевна ему навстречу. «Не кручинься, – говорит, – молись Богу да спать ложись, к завтрему всё готово будет». Лёг молодец, заснул. Поутру глядь в окошко – стоит новый дворец, мастера ходят кругом да кой-где гвоздики поколачивают. Царь земли неверной отдал свою меньшую дочь за молодца: не хотелось ему отступиться от своего слова царского. Да и замысла покинуть – тоже не хочется: задумал он съесть живьем молодца и с дочерью. Пошла молодая посмотреть, что делает её батюшка с матушкой; подходит к двери и слышит, что они совет советуют, как дочь с зятем съесть.

Побежала царевна к мужу, оборотила его в голубя, сама перекинулась в голубку, и полетели на свою сторонку. Про ведал про то царь неверный, послал их догонять. Догонщики мчали-скакали, никого не нагнали, увидели только голубя с голубкою, да и вернулись назад. «Никого не нагнали, – сказали они царю своему, – только и видели голубя с голубкою». Царь догадался, что это они были; рассердился на догонщиков, перевешал их и послал других. Погнались эти, мчали-скакали, прискакали к реке, а у той реки стоит дерево; видят, что нет никого, и вернулись к царю. Рассказали ему про речку, про дерево. «Это они и были!» – закричал царь земли неверной, велел перевешать и этих догонщиков.

Погнался сам.

Ехал-ехал и наехал на божью церковь. Он в церковь, а там старичок ходит да свечи перед иконами зажигает. Спросил царь у него, не видал ли он беглецов? Старичок сказал, что они уж давно ушли в золотой город, что стоит на сто вёрст. Ударился царь неверный от злости оземь, да делать-то было нечего – поворачивай оглобли домой. Только что он уехал, церковь оборотилась царевною, а старичок – добрым молодцем, поцеловались, да и пошли к батюшке с матушкой в золотой город, что раскинулся на сто вёрст. Пришли и стали там жить да поживать да добра наживать.

Морозко³¹

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сделает, за всё её гладят по головке да приговаривают:

– Умница!

А падчерица как ни угождает – ничем не угодит, всё не так, всё худо; а надо правду сказать, девочка была золото, в хороших руках она бы как сыр в масле купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что делать? Ветер хоть по-

³¹ Записано в Курской губернии.

шумит да затихнет, а старая баба расходится – не скоро уймётся, всё будет придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать:

– Вези, вези, старик, её куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали, чтобы мои уши об ней не слышали; да не вози к родным в тёплую хату, а во чистое поле на трескун-мороз!

Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани, хотел прикрыть попонкой – и то побоялся; повёз бездомную во чистое поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бедненькая, трясётся и тихонько молитву творит. Приходит Мороз, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает:

– Девушка, девушка, я Мороз Красный Нос!

– Добро пожаловать, Мороз; знать, Бог тебя принёс по мою душу грешную.

Мороз хотел её тукнуть³² и заморозить; но полюбились ему её умные речи, жаль стало! Бросил он ей шубу. Оделась она в шубу, подожмала ножки, сидит. Опять пришёл Мороз Красный Нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает:

– Девушка, девушка, я Мороз Красный Нос!

– Добро пожаловать, Мороз; знать, Бог тебя принёс по мою душу грешную.

³² Стукнуть, пришибить.

Мороз пришёл совсем не по душе, он принёс красной девушке сундук высокий да тяжёлый, полный всякого приданого. Уселась она в шубочке на сундучке, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришёл Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает. Она его приветила, а он ей подарил платье, шитое и серебром и золотом. Надела она и стала какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает.

А мачеха по ней поминки справляет; напекла блинов.
– Ступай, муж, вези хоронить свою дочь.
Старик поехал. А собачка под столом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.